Василий ЗОЛОТОВ

К ЗЕМЛЕ НЕЗНАЕМОЙ

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ О СТЕПАНЕ КРАШЕНИННИКОВЕ. В предлагаемом читателю отрывке рассказывается об отбытии молодого ученого из Охотска на Камчатку вместе со случайным попутчиком казаком Тихомиром.

В НАЧАЛЕ октября заявили о себе ветры — листобои, гульнул легкий морозец. Неожиданно, словно спугнутая жар-птица, улетела золотая осень. Сердце изошло нетерпением поскорее испытать море. Выйдешь к прибойке — веселый всклоченный вал озорно обдаст тебя шипучими брызгами, позовет, поманит...

Наконец, кормчий с шитика «Фортуна» оповестил Степана об отходе. Студент обнял на прощанье Буцковского и Чирикова, рассмеялся:

— Все. Кливер поднят, деньги уплачены.

— Семь футов тебе под водой!

«Фортуна», слегка покачиваясь, стояла у причала. Тяжкий бело-синий вал мчался с моря к берегу, изгибался, пенно рушился, скакал нарастающей снежной россыпью, несся с шелестом, с грохотом, бил с размаху мокрый борт «Фортуны», взрываясь водометом брызг и пеня, летел ввысь, перекрывая тысячеголосый гомон птичьего базара.

Отошли четвертого октября в полдень. Тихомир помог Степану погрузить пожитки и приборы, свой груз положил на корме рядом с его грузом. Погода благоприятствовала, тянул мягкий ветер-теплячок.

— С богом, Степушка!

— В добрый час!

Оглядывая «Фортуну», Тихомир пришел в восторг:

— Полюбуйся — вот так конь! Вот так Сивка-бурка! Без устали, без корма побежит по водной дорожке. Эй, вы, гривы-паруса! Ой ты, море-морюшко, океан неугомонный, гуляй душа! Осподи боже, красота-то!

День посветлел, размолодился. Шли ровно и ходко, держа в парусах тугой западный ветер. Горизонт по курсу был резок и ясен, будто очерчен алмазным резцом.

— Жаль отвального не устроили, — вздохнул казак.

Степан оглянулся на уходящий охотский берег. Там, за далеким Джугарским перевалом, за скалистым изломом хребта, остался Якутск, а в нем Степанида... Уж не видно на причале хрупкой фигуры Чирикова, неразличим сутуловатый лекарь экспедиции Филя Буцковский — все слилось с темной береговой пеленой, лишь в синеве дальние горы. Через полчаса небо сделалось совершенно чистым, сопки резкими, рельефными, как бы повисли в самом небе, словно были из какого-то другого неземного мира.

Закат пришел огнистый, с оранжевым отсветом, позолотил округлые края легких облаков. Ближе к зениту небо подернулось салатно-нежной прозеленью. На земле таких пышных, необыкновенных закатов Степан не припоминал.

Море по-прежнему не проявляло крутого норова, ветер держался попутным, и судно не теряло хорошего хода. «Фортуна» легко резала короткие голубые ватно-зеленые волны, вздымая над палубой мелкую водяную пыль, в которой стояла то сухая, то ярко обновляясь на предзакатном солнце маленькая радуга.

С наступлением сумерков Тихомир и Степан, намаявшись за день, сразу же уснули. Крепко, хорошо спал убаюканный морем Степан. В душе поселились покой и легкость. Третий сон досматривал он, имел свидание со Степанидой. Вскоре пробрал его холодок, проснулся — над палубой пролетела чайка — от крыльев посвист. «Где я?» Увидел над головой паруса, и все стало на свои места. Хорошо, всласть потянулся. Сколько в нем еще силы, сколько радости и надежды, почему же об этом никто не знает? И так много тоски... И желания быть счастливым. А где оно, счастье-то?

Тихомир позвал его на палубу. Вечер занимался ясный, тихий. «Фортуну» встретила стая игрунов-сивучей. Они шли с востока, озаренные светом поднимавшейся из-за моря луны. Поравнявшись с судном, стая разделилась на две группы: одна пошла почетным эскортом с правой стороны, другая — с левой. Усатые пучеглазые великаны приветствовали парусник густым хрипловатым рыком.

— Вот-вот, продерите глотки-то, — усмехнулся Тихомир, — чай, они у вас луженые.

Крашенинников почти с детским восторгом наблюдал за проказами незнакомых морских животных. Темно-бурые сивучи свечой вздымались из зеленоватой пучины, гибко кувыркались в воздухе и тут же снова погружались в воду, становились на глубине тоже зеленоватыми, затем опять выныривали и так бесконечно ходили «колесом», пока их не спугнула касатка.

По морю живуном прошел ветер, развел волну. Размах волны становился все шире и все крепче, над водой не стало ни одного глупыша, ни одной чайки.

Со злым змеиным шипением вдоль борта пронеслась первая волна, у самого леера припутала Тихомира, стегнула по штанам. Дрожь от удара ее, измельчаясь и дробясь, покатилась по всему корпусу «Фортуны».

Из шкиперской на палубу выпросталась широченная коренастая бородатая фигура. Голос с хрипотцой, густой. Человек сдул под усищи улыбку, сказал:

— Крепи груз, робяты.

Это был кормчий. Степан и Тихомир перенесли свои вещи в трюм и горловину его накрепко задраили.

По небу метельно понесло ведьмины космы. На горизонте, прямо под солнцем, появилась мутно-грязная раздерганная полоска с налетом какой-то подленько жиденькой желтизны. Полоска пошла расти, наливаться чернотой и сизью, охватывать горизонт, превратилась в мощный мрачноватый вал, в котором заклубились, заволновались темные лохмы.

Матросы поубавили парусов.

— Быть замятне, — сказал Тихомир, приглядываясь к волне и прислушиваясь к тому, как загадочно и неспокойно вздыхала бездна.

— Что ж, доброго я не жду, да и худого не страшусь, — погруженный в раздумья, отозвался Степан.

Мысли его были затянуты одним — страда морская тяжела и всегда полна риска, почему же молодые, не страшась ничего, извечно идут в море, хотят испытать себя. Видно, все дело в том, что море дарует человеку возможность и немалую радость борения, жажду движения, преодоления пространства.

Устоять перед плотной стеной прущего ветра, не сломаться, не пасть духом — удел стойких. Вот ветер стал крепчать, усиливаться, выть в снастях, как черт, попавший в тенета, низкие рваные тучи понеслись над мачтами на зюйд-ост. Шитик зарылся в черном вареве штормового моря. Стоило произнести слово или хотя бы только открыть рот, как ветер сразу же забивал его, будто кляпом, до самого горла.

Море играло с шитиком, как ветер с осенней листвой. «Фортуна» то взметывалась в вышину, то падала вдруг с ужасающей быстротой в кипящую пропасть подстреленной птицей, кривилась на бок. Волны хлестали Степана просоленными жгутами. Ветер, доведенный сопротивлением до бешенства, собирал всю свою злобную мощь, чтобы низвергнуть человека, посмевшего не устрашиться его.

«Фортуна» бессильно стонала, прохваченная от бака до кормы опасной дрожью, и вновь зарывалась в воду—не голубую, не синию, не зеленую, а дымчато-черную, кромешную.

Крашенинников от качки почувствовал себя дурно—кружилась голова, подташнивало. Нелегко было удержаться на уходившей из-под ног палубе. Все время надо было балансировать, уцепившись за снасти, чтобы не свалиться за борт.

Тихомир, не раз уже испытывавший коварство моря, обнял Степана, помог ему спуститься в кубрик.

— Приляг. Пройдет это,—успокоил он.

— Укачало, умолотило меня крепко, — едва слышно проговорил Степан. — Неужели долго еще идти?

— Бог весть, от погоды зависит.

— Душу отдашь нечистому.

Но шторм так же скоро кончился, как и начался. Видно, зацепил он Охотское море только слегка, краем. Пронесло адову напасть. Правда, шла еще пологая изматывающая зыбь, но и она вскоре улеглась. Крашенинников, пошатываясь, вышел на палубу, глубоко вдохнул прохладного воздуха, почувствовал бодрость в теле.

— Ну вот, еловая твоя голова, крещен значит, — пошутил Крашенинников над самим собой.

Море, четко охваченное окоемом, было круглое, как огромная сковорода. По курсу—ни судна, ни береговых гор. Куда девалась неукротимая, лохматая, хрипло орущая стихия! Вокруг тихо, месячно. И мысли Степана вновь светлы. О Камчатке подумал—земля незнаемая, говорят, богатая. Научит он людей растить капусту, морковь, редьку, горох, ячмень, многому научит да и сам от камчадалов кое-что переймет.

Мысленно представилась Степану в распадке гор непроглядная речная долина, вспаханное поле и хлеб наливной, тяжелый, в рост человека. Пробегает легкая, легкая волна по полю, хлеб клонится, лоснится колосом. А у самой реки бахча—тугие белые кочаны капусты, сочная морковь, а вот и приплюснутая репа выставила желтый бок на грядке. Пусть малыши грызут вволю.

— Тихомир, скажи-ка, растят ли камчадалы капусту и другую овощь? — спросил Степан у казака.

— Понятия не имеют. Толкушу, саранку да рыбу только и знают.

— А я семена везу. Надо попробовать высеять.

— Что ж, дело хорошее. Морозы бы только обхитрить. Случаются в июне морозы.

— Выходит, камчатская землица о семи секретах: внутри жаркая, сверху студеная. Говорят, зимой в снегу горячие ключи бьют. Филя баил: смотришь—в январе цветок у ключа распустился, трава зеленая. Да того мало — тут тебе и лебеди зимуют.

Тихомир охотно и много рассказывал о Камчатке, одно диво шло за другим, и выходило так, что земля эта не похожа на те края, в которых Степану довелось побывать. Уж очень много необыкновенного таил в себе полуостров, и тайны его влекли, разжигали в сердце Степана страсть и неукротимый интерес.